

донезии на базе топонимии. Докладчики изложили также методику статистической и машинной обработки массового топонимического материала.

Интересный аспект в изучении топонимии был освещен в докладе Г. М. Пономаренко (Горький) «Наивная этимология как элемент фольклора». Не отвергая общепринятого мнения о невозможности этимологизации топонима на базе так называемой народной этимологии, докладчица обратила внимание на ценность этих фантастических объяснений в качестве исторического источника или образчика фольклора.

Характеристике конкретных топонимических ареалов были посвящены доклады В. П. Дарбаковой (Москва) «Историко-географическое значение названий гор в Монгольской Народной Республике», Э. Г. Беккер (Томск) «Об информации, которую несут некоторые селькупские термины», Г. И. Донидзе (Москва) «Гидронимические термины в тюркских языках», и другие. А. Б. Булатов (Казань) сообщил о незамеченных ранее тюркоязычных топонимах в районе Поволжья, найденных им в описании путешествия Ибн-Фадлана, на карте Фра-Мауро и на других европейских картах XV—XVI вв. Ф. И. Гордеев (Иошкар-Ола) выдвинул новую гипотезу о вызывающем много споров происхождении гидронима Волга. По мнению докладчика, объяснение этому гидрониму следует искать в балтийских языках.

Интересные этнографические выводы содержались и в докладах по антропонимии. Доклад Р. Ш. Джарылгасиновой (Москва) был посвящен явлению «вторых» имен у корейцев Советского Союза. Приобретение ими «второго» русского имени рассматривалось автором как проявление определенного культурного сближения корейского и русского населения Средней Азии. М. В. Крюков (Москва) на примере китайской антропонимии охарактеризовал социальную природу личного и наследственного имени, указывающего на положение его носителя в определенной социальной системе. Г. А. Архипов (пос. Яр, Удмуртской АССР) рассказал о родовых именах удмуртов, сохранившихся в топонимии Удмуртии. Н. Ф. Мокшин (Саранск) посвятил свой доклад реконструкции дохристианских мордовских имен, сейчас вышедших из употребления, но частично встречающихся в составе фамилий, а также топонимов. Т. И. Тепляшина (Москва) привела новые аргументы в пользу гипотезы о тюркском происхождении бесермян. В докладе Г. Я. Симиной (Ленинград) охарактеризована русская средневековая антропонимическая система, соотношение имени и прозвища, вопросы происхождения современных отчеств и фамилий.

В. А. Никонов в заключительном докладе «Нерешенные вопросы ономастики Поволжья» подвел итоги конференции. Вторую Поволжскую конференцию решено провести в 1968 г. в Горьком, третью — в 1969 г. в Саранске.

В заключение хотелось бы отметить превосходную организацию конференции.

М. А. Членов

НОВАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ ЗАГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

7 июня 1967 г. в Загорском государственном историко-художественном музее-заповеднике открылась новая экспозиция «Русское народное искусство XVIII — начала XX века». Народная одежда, утварь, домовая резьба, предметы крестьянского интерьера, образцы ткачества, вышивки, изделия из металла, собранные во многих областях страны почти за полувековую историю существования музея¹, дали возможность создать прекрасную выставку народного искусства. Экспонаты размещены в семи залах. В первом зале выставлены образцы искусства резьбы по дереву, во втором — росписи по дереву, третий зал знакомит посетителей с различными видами художественной обработки металла, четвертый с искусством набойки, пятый и шестой — с народной одеждой, — образцами ткачества и вышивки. В седьмом зале экспонируется золотое шитье и женские головные уборы.

В первом зале, на стенах которого размещены лобовые доски, наличники окон, очелья ворот, украшенные «корабельной резьбой» — растительным орнаментом с изображениями львов, птиц и берегинь, обращает на себя внимание фронтон избы с датой 1882 г., привезенный из Кстовского района Горьковской области. В узор фронтона (резчик М. Мальшев), составленный из причудливо переплетающихся побегов с широкими листьями, включены гроздь винограда. Полоса розеток как бы отделяет резьбу причелин от богатого декора наличника светелки и нижней части фронтона. Типичная для народного жилища Поволжья резьба этого фронтона до сих пор сохраняется в селах и даже в городах Горьковской области (Городец, Кстово, Сормовский район

¹ Музей был основан 20 апреля 1920 г. специальным декретом Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина.

Горького — Коносово)². В резьбе одной из лобовых досок, экспонирующихся в этом зале, отражены изменения, появившиеся в декоре городских домов и крестьянского жилища пригородов Новгорода во второй половине XIX в. — включение в традиционный орнамент «корабельной резки» геральдических знаков, скрещенных в пожатии рук, изречений и т. п.

Два охлупня, как бы выходящие из плоскости стены и господствующие над экспозицией (один в виде конской головы — «конек», другой в виде головы птицы — «утица») дают представление о монументальности народного зодчества, а также о лаконичности форм и красоте скульптурных украшений русского жилища.

Многообразие уходящего искусства глухой резьбы прекрасно представлено в первом зале. Здесь же демонстрируется деревянная скульптура: скворечники в виде человеческих фигур (мужик в конусообразной шляпе с трубкой и баба с ведром) и улей «медведь». В витринах размещена деревянная посуда и утварь скульптурной обработки: жбаны, ковши, черпаки, солонки — утицы и солонки в форме стула с поднимающейся крышечкой, трепала для льна, вальки и рубели. Широко представлена берестяная утварь: туески (коробы) с тисненым узором, плетеные изделия, в частности солонки, употреблявшиеся при полевых работах. Среди деревянной утвари выделяется швейка в форме лебедя и ковш XVIII в.

В богатой коллекции резных прялок, демонстрирующейся в этом зале, привлекают внимание прялки-копылы, изготовленные из целого куска дерева (Ярославская область, XIX в.), на которых изображены сцены чаепитий, дворцы и церкви. Интересны также костромские и ярославские столбчатые прялки, напоминающие многоярусные ажурные башенки.

Здесь же выставлены городские донца, выполненные в сложной технике инкрустации, резьбы и частично росписи — подкраски. Они замечательны своей композицией, сочетающей жанровые сцены и орнамент. В верхнем ярусе донца изображен обычно всадник с поднятой саблей, или два всадника, скачущие навстречу друг другу. В нижнем ярусе, отделенном от верхнего полосой орнамента, выполненного скобчатой резьбой, симметрично размещены одинаковые фигурки марширующих солдат с поднятыми саблями.

В более поздних по времени изготовления (конец XIX — начало XX в.) донцах упрощается техника их декорирования. Они лишь расписываются, инкрустация и резьба не используются. Меняется и трактовка мотива всадников — исчезает динамичность, вся композиция приобретает более спокойный характер, что обусловлено техникой росписи — широким кистевым мазком. Наряду с мотивом всадников появляется мотив чаепитий. Строгий орнамент сменяется растительным орнаментом с пышными побегам и цветами. Такие донца экспонируются во втором зале, где представлены богатая коллекция расписных прялок Вологодской, Архангельской и Калининской областей, северные скопкари, расписные туески, «набурухи» — лукошки для сбора ягод и грибов, сани

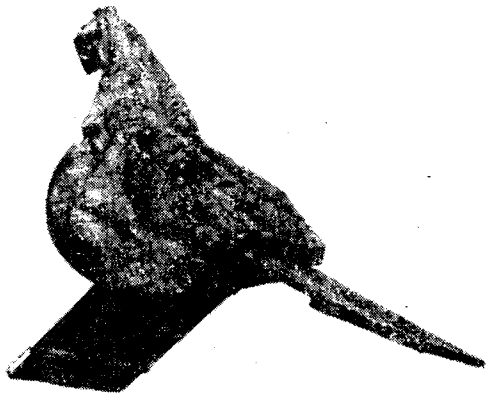

Рис. 1. Охлупень «утица». Архангельская область, XIX в.

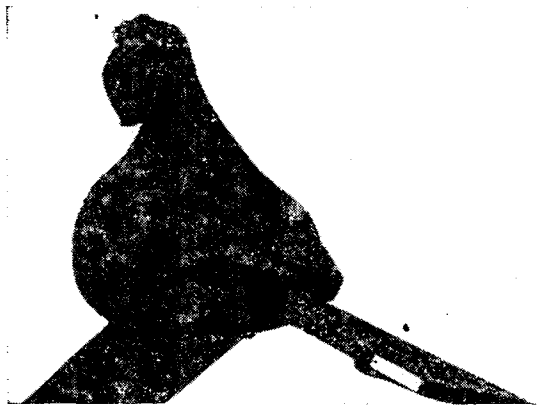

Рис. 2. Охлупень «конь». Архангельская область, XIX в.

² О хорошей сохранности в настоящее время домовой резьбы в селах Горьковской области свидетельствуют, в частности, материалы Областного Горьковского музея.

и детские санки, зыбка и хлебёнка — круглая берестяная коробка с крышкой для хранения хлеба и другая расписная утварь. Коллекция северных прялок дает представление как об особенностях двухцветной графически четкой мезенской росписи с чередующимися полосами геометрического орнамента и обобщенно решенных, ритмично повторяющихся силуэтов оленей, лошадей, птиц, так и северо-двинской — полихромной с сюжетными сценами и растительным орнаментом. Из игрушек и мелких расписных деревянных и берестяных изделий, выставленных в витринах, обращают на себя внимание городецкие кони, окрашенные в интенсивный черный цвет. Все эти расписные предметы,

Рис. 3. Улей-медведь. XIX в.

Рис. 4. Скворечник «баба». Московская область, Егорьевский район. XIX в.

как и экспонирующиеся в первом зале резные изделия, не только убедительно свидетельствуют о богатой фантазии, наблюдательности и высоком мастерстве народных умельцев, но и позволяют проследить органическую связь народного искусства XIX — начала XX в. с древнерусским искусством.

В третьем зале выставлены кованые железные светцы, медная посуда, нагрудные серебряные цепи, зеркала и металлические сундуки разных размеров и форм.

Сундуки XVII—XVIII вв., изготовленные московскими и великоустюжскими мастерами, окованы просечным железом, под которое подложена слюда или цветная фольга. Большинство из них имеет старинную форму «теремков». Сундуки XIX—XX вв. из Невьянска, Великого Устюга, Горьковской области окованы жстью, обработанной различными способами. Невьянские, или уральские, так называемые «сибирские» сундуки, как и отдельные великоустюжские, сплошь обиты «мороженым железом» — металлом, на котором техникой травления кислотой создан рисунок, подобный морозным узорам на оконном стекле — «мороз»³. Сундук из Горьковской области (начало XX в.) обит гладкой, покрытой коричневым лаком жстью, поверх которой набиты косой клеткой тонкие полосы из жести золотистого цвета. Среди экспонатов зала привлекают внимание зеркала-спицы, служившие для крепления льна на прялке, и трехстворчатое зеркало XVII в. с верхней частью в виде кокошника, украшенное полосками орнамента из свинца и жести и пестрым узором на слюдяных пластинках. Однако, несмотря на большую ценность экспозиции третьего зала, нельзя не отметить, что она не дает представления о некоторых видах художественной обработки металлов (литье, черни, эмали и др.).

³ Техника обработки металла со старыми и новыми «морозными» узорами до последнего времени сохранялась на мебельной фабрике в с. Быньги под Невьянском, где изготавливаются наряду с различной мебелью сундуки.

В четвертом зале демонстрируются образцы набойки, набивные доски, одежда из набивной ткани. Синя-белая с крупным узором набойка конца XVII в., красно-белая — XVIII в. и более поздняя трехцветная с мелким узором из районов Пинеги, Мезени, Вычегды позволяют судить о постепенном развитии искусства набойки.

Для сравнения на одном из стендов демонстрируются образцы фабричной набойки XIX в. Лаконичность, строгость и ритмичность узоров народного искусства набойки выгодно отличаются от тканей, изготовленные крестьянами-кустарями, от нарядных, но слишком усложненных — «утяжеленных» узоров фабричной набойки.

Рис. 5. Комплексы женских костюмов южных областей РСФСР. XIX в.

Очень удачно экспонирована одежда: в большом зале в застекленных высоких шкафах размещены 28 комплексов крестьянской одежды XIX в. Шкафы поставлены на некотором расстоянии от стены и дают возможность всестороннего обзора одежды. Все комплексы одежды хорошо смотрятся в целом, свидетельствуя о единстве народного искусства, о его многообразии и в то же время о его локальном разнообразии. Хорошо отражено в экспозиции известное различие южнорусского комплекса поясной одежды (понева или юбка) и северного наплечного (сарафан) и единство в отделке рубахи и запана браной техникой. Последовательный показ комплексов народных костюмов от южнорусских областей к северным позволяет видеть различия в характере орнаментов и в то же время единообразие излюбленного цветового сочетания белого с красным (например, белый холст с ярко-красными полосами вышивки и ткачества).

В экспозиции наряду с ранее выставившимися материалами впервые представлены комплексы женской одежды и отдельные ее элементы, собранные музейными экспедициями в 1953—1966 гг. под руководством научных сотрудников музея О. В. Кругловой и Л. Э. Қалмыковой. Экспозицию одежды открывают три костюма с красочными попевами Рязанской области. Для комплекса из Сапожковского района типичен легкий домотканый шерстяной «шушпан», для костюма из Кадомского района — яркий «навершник», Березовского района — нарядный «запан» с рукавами. Костюм из Заметчинского района Пензенской области с распашной поновой и навершником соседствует с двумя яркими комплексами одежды Воронежской области; один из них с поновой и

широким поясом по талии, другой — с домотканной полосатой юбкой. Далее показаны четыре нарядных женских комплекса одежды народов Поволжья и не менее нарядные костюмы Курской, Орловской и Тульской областей либо с поневою, либо с яркой шерстяной домотканной юбкой поверх рубахи с ярким «браным» или вышитым узором на рукавах, подоле и вороте.

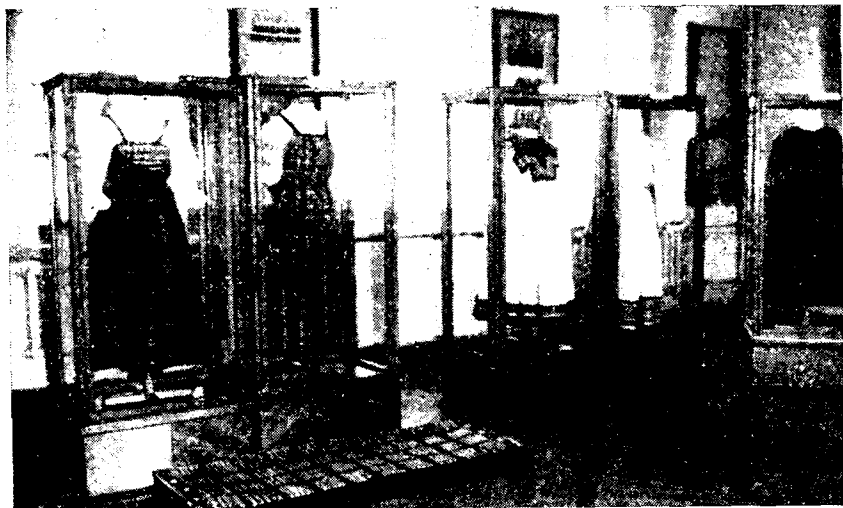

Рис. 6. Комплексы женских костюмов западных областей РСФСР. XIX в.

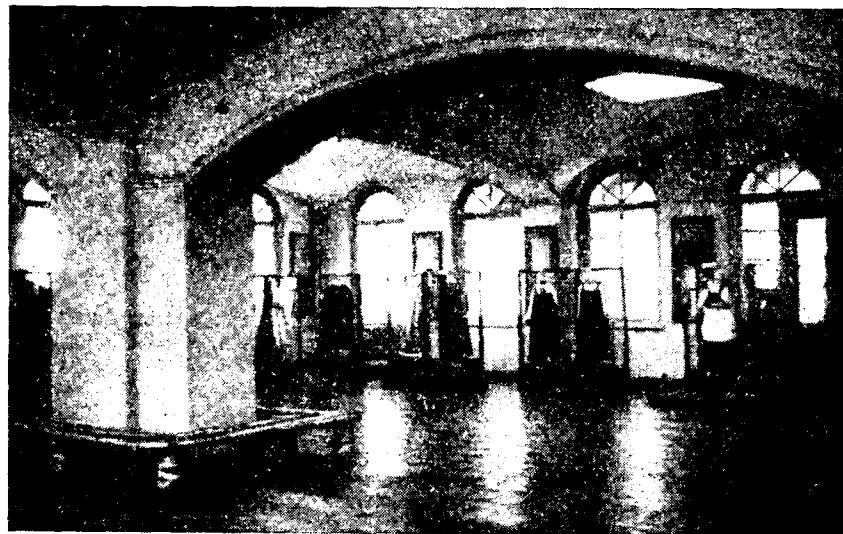

Рис. 7. Комплексы женских костюмов северных областей РСФСР. XIX в.

Два костюма, типичных для Смоленской области, свидетельствуют о том, что на этой территории, являющейся как бы переходной между южными и северными областями, бытовали два комплекса одежды: один с клетчатой поневою поверх рубахи с браным узором и второй — с сарафаном из синей домотканины, обшитым красным узорным ситцем сверху и на подоле, рубаха однотипна с предыдущей — с нарядным браным узором на рукавах и подоле.

Нарядно и несколько своеобразно выглядят три женских сарафана из Нелидовского района Калининской области. В 1964 г. Л. Э. Қалмыкова привезла из Калининской области 13 «рябых» сарафанов: летних из холста и «зимовых» — из льна и шерсти. Из них экспонируется два комплекса с зимними «рябыми» сарафанами и один комплекс с белым холщевым сарафаном, надетым поверх белой рубахи, отделанной красной вышивкой и аппликацией из красной ткани по вороту и подолу.

В женских костюмах Архангельской области наряду с рубахами и нижними юбками из белого холста с браным красным узором на подоле и рукавах, широко употреблялась набивная ткань — «набойка» с мелким узором. В экспозиции показана рубаха из такой ткани, причем верх ее — «стан из красной набойки, а низ — «подстава» — из синей. Из набойки шили также верхние юбки. Оригинальна каргопольская рубаха из белого холста, на подоле которой вышиты (в основном красными нитками) контуры женских фигурок и коней. Два костюма из Великого Устюга Вологодской области демонстрируют богатую технику браного тканья, выполненную с большим вкусом.

Недостаточная экспозиционная площадь, очевидно, ограничила показ локального разнообразия русского костюма РСФСР. Очень жаль, что нет Новгородского и Псковского костюмов. В выставленных северных комплексах одежды — два пестрядинных сарафана (Архангельской и Вологодской областей) и сарафан из синей китайки (Архангельской обл.), тогда как общеизвестна богатая гамма холодных тонов северного костюма.

Помимо комплексов одежды, в витринах показаны и отдельные предметы: нарядные тканые и плетеные пояса Архангельской, Вологодской, Калининской, Воронежской и Рязанской областей, богато отделанные браными и вышитыми узорами поневы, запыны, рубахи, скатерти, подзоры и полотенца. Тканые одеяла и ковры дополняют экспозицию этого зала.

Крестьянская одежда в большинстве выставленных комплексов необычайно красочна и свидетельствует о тонком вкусе и мастерстве исполнения.

Экспозиция заканчивается показом головных уборов и украшений костюма различных областей. Внимание привлекают высокий парчовый кокошник Костромской области, богато расшитый цветным стеклом, жемчугом, с жемчужной сеткой, спускающейся на лоб; девичья повязка Черевковского района Архангельской области из малинового шелка, по которому вышиты серебряной нитью стилизованные лебеди и кони; очелье повязки сплошь шито золотой нитью, концы — парчовые.

Экспонировано несколько видов кокошников и девичьих повязок Архангельской, Псковской, Горьковской, Калининской и Ярославской губерний. Меньше представлены женские головные уборы Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Курской губерний. В отличие от построенной строго по областному принципу экспозиции костюма, показ головных уборов не дает представления (не специалисту) о типичных различиях между северными и южными головными уборами. Совсем не выставлены рязанские и тульские головные уборы, богатые по разнообразию бисерных сеток. Платки золотого шитья скорее декорируют экспозицию, чем экспонируются как часть единого комплекса головного убора. Если бы можно было дополнить экспозицию одежды и головных уборов фотографиями, отражающими бытование комплексов костюма, то посетители получили бы более полное представление о народном костюме в целом.

Экспозиция, демонстрируя огромное разнообразие художественной обработки различных материалов народными мастерами, оставляет яркое ощущение единства стиля русского народного искусства, вызывает чувство гордости за народ, достигший таких вершин художественного творчества.

А. А. Лебедева, С. Б. Рождественская